

РАСШИРЯЯ ГРАНИЦЫ: МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАДЖИКИСТАНЕ (НА ПРИМЕРЕ БРАКОВ ТАДЖИКСКИХ ЖЕНЩИН С ИНОСТРАНЦАМИ)

София Касимова

София Рахматулаевна Касимова – социолог, кандидат философских наук, руководитель Центра гендерного образования. Адрес для переписки: Центр гендерного образования, ул. Лоик Шерали, д. 3, Душанбе, 734025, Таджикистан. Адрес электронной почты: skasymova.tj@gmail.com.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ: ЧАСТНОЕ ДЕЛО ИЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС

В последние годы в Таджикистане отмечается рост межэтнических и межконфессиональных браков, отношение к которым по-прежнему остается неоднозначным, как и в советское время. Начиная с середины 1930-х годов, и вплоть до конца советской эпохи государство в лице официальных идеологических структур (партия, комсомол, женсоветы) всячески приветствовало интернациональные браки, считая их залогом нерушимой дружбы многонационального советского народа (Гафарова 1969: 87). В большинстве случаев такие семьи негласно находились в культурной изоляции от родственной семьи, авлода¹, имея в локальном сообществе маргинальный статус. Для большинства они были отклонением от нормы, так как традиционно в локальных сообществах этнических таджиков в сфере брачно-семейных отношений доминировали эндогамные браки. Во-первых, считалось,

---

¹ Авлод, или кавм (каун) – группа семей, связанных родством и ведущих свое происхождение от общего предка (родоначальника). Как пишет советский этнограф Николай Кисляков, еще в 20–30 годы XX века «...такие группы часто проживали в одном квартале, объединялись для совместной пастбы скота, оказывали друг другу помощь в различных хозяйственных делах... совместно организовывали и проводили праздники... помогли друг другу в выплате выкупа за невесту в случае женитьбы кого-либо из данного авлода (кауна), групповая солидарность проявлялась и в случае тяжб, судебных разбирательств, обид, нанесенных кому-нибудь из членной семейной группы» (Кисляков 1969: 33).

что принятие в семью чужого человека², так же как и уход в чужую семью, приводит к ослаблению и разобщению родственных, кровных уз членов авлода и общины в целом. Во-вторых, межэтнические браки заключались по взаимному согласию, чаще основываясь на чувственной привязанности сторон, при этом нарушались традиционные нормы патриархального гендерного порядка, когда «... устройство брака являлось делом всей семьи, с желаниями молодых не считались» (Кисляков 1969: 18).

Если в советский период инициаторами таких браков выступали мужчины-таджики, то в постсоветском таджикском обществе наблюдается обратная тенденция: растет количество межэтнических брачных союзов таджикских женщин, в том числе браков женщин мусульманского вероисповедания, с христианами-европейцами. В количественном измерении увеличивается³ и качественно расширяется круг женщин-таджичек, самостоятельно (свободно) выбирающих брачного партнера из числа мужчин-иностранцев. В эту группу наряду с городскими женщинами из русифицированных слоев населения (эмансипированных советской модернизацией) все более активно входят сельские женщины, воспитанные в традиционной среде. Одновременно расширяется пространственная и культурная территория потенциальных женихов. Если вначале таджикские женщины вступали в брачно-семейные отношения с мужчинами-иностранцами, этнически и конфессионально близкими таджикам (гражданами Афганистана, Ирана, Турции и арабских стран), то на данный период наиболее популярными женихами являются граждане США, Канады, стран Западной Европы и России, при этом этническая и конфессиональная идентичность особой роли не играет.

Следует отметить, что тенденция увеличения количества браков женщин с иностранцами наблюдается также среди других этнических групп мусульманского вероисповедания постсоветского пространства. Этим фактом и обусловлено уси-

---

² В эту категорию входили все те, кто находился за пределами обозначенного круга авлода, общины или этнической группы.

³ Главное статистическое ведомство Таджикистана «Агентство по статистике при Правительстве Республики Таджикистан» не ведет учет данных по межэтническим бракам. (см.: www.stat.tj). Однако имеются другие официальные источники, которые с наибольшей долей достоверности указывают на тенденцию роста межэтнических браков среди таджикских женщин. Например, главный специалист Управления записи актов гражданского состояния Министерства юстиции Таджикистана Барно Насимова сообщила корреспонденту ИА REGNUM, что только за 9 месяцев 2007 года в органах ЗАГС города Душанбе 75 граждан Таджикистана заключили брак с гражданами других стран. В 2006 году за этот же период данный показатель равнялся 64 случаям. По словам Барно Насимовой, на брак с иностранцами решаются, в основном, девушки. Чаще всего таджикские девушки выходят замуж за граждан Афганистана, Ирана, Турции, но, как говорит Насимова, в последние годы, среди зарубежных женихов все больше граждан европейских стран, а также США, Канады, Австралии и арабских стран (В Таджикистане растет количество браков с иностранцами. 2007 // Информационное агентство REGNUM. www.regnum.ru/news/907681.html?forprint. Дата обращения: 30.10.2010.) Другой пример. По словам заведующей отделом ЗАГС Согдийской области Мукаддамы Хашимовой, только за первые два месяца 2009 года на севере страны было зарегистрировано 56 браков между местными жителями и иностранцами. (Таджикистан: В Согдийской области растет число межнациональных браков 2009).

ление интереса исследователей к данной тематике. Так, Дарига Бекбосунова в своей работе отмечает рост браков казахшек с иностранцами – не казахами – как новое явление в сфере института брака и семьи в Казахстане (Бекбосунова 2009). К аналогичному выводу об увеличении числа браков между лезгинками и представителями других национальностей по сравнению с советским периодом приходит и Мадина Шахбанова (Шахбанова 2008: 72–76). О схожих процессах пишут исследователи из Узбекистана (Тохтаходжаева 2001) и Киргизии (Пратова 2006).

Очевидно, что данная практика выходит за рамки межличностных отношений индивидов, затрагивая широкий спектр социальных связей и контактов, в том числе и гендерных. Возможно, именно это обстоятельство обуславливает пристальное внимание общественности, создавая в некоторых случаях моральную панику, о чем свидетельствуют материалы таджикских СМИ последних лет⁴. Эта тема обсуждается в контексте дискуссий о статусе и положении женщин в современном Таджикистане. Несмотря на различные точки зрения, дискурс разворачивается вокруг таких дихотомий, как «модернизация и традиционализм» или «чужой и свой». В советский период вопросы межэтнических браков также рассматривались в контексте этих двух позиций, но акцент делался в первую очередь на положительные аспекты смешанных браков, особенно между мусульманами и европейцами. Как отмечает в своем исследовании Адриенн Линн Эдгар, «смешанные браки ассоциировались с модерностью... следовательно, предполагалось, что они помогают подтолкнуть “недостаточно развитые” окраины в модерность» (Эдгар 2008: 93–123). В сегодняшнем Таджикистане, где процессы национально-государственного строительства сопровождаются становлением новых идеологических установок, поиски собственного «Я» происходят путем расширения пространства норм и практик, связываемых с этнической идентичностью. Создание нового национального государства подразумевает в числе прочего конструирование новой гендерно маркированной идентичности мужчины-таджика и женщины-таджички, ядро которой должны составлять этнические и конфессиональные компоненты. Следовательно, «модерность» и процессы модернизации, обычно ассоциируемые в Таджикистане с ценностями и нормами европейской культуры, чаще анализируются и оцениваются именно с традиционалистских позиций. Идеологизированность дискуссии между сторонниками модернизации и традиционализма приводит к применению оценочных категорий «хорошо» и «плохо». «Хорошо» то, что таджичка становится итальянкой: «Она пела на собственной свадьбе, рассекая по залу в платье от Армани рядом с новопеченным мужем-итальянцем. Певица Ниссо Худоназарова живет теперь в Италии, а новые технологии помогают ей чувствовать себя дома»⁵. «Плохо», потому что такие браки разрушают гендерно-этническую идентичность таджикской женщины: «Таджикские девушки выходят замуж за иностранца только ради материального благополучия. Им все равно, за кого выходить замуж – за немца или

---

⁴ См.: «Крыш-экономика» и мода на браки с иностранцами... 2007; Домоди чинои (Китайский жених) 2008.

⁵ См. статью Мунаввары Рябикиной «Таджикская итальянка» (Рябикина 2008).

китайца»⁶. Аналогичное мнение выражается в средствах массовой информации других стран Центральной Азии. Например, в Киргизии «брак киргизских женщин с иностранцами расценивается как предательство по отношению к национальным ценностям»⁷.

Однако моральную панику вызывает не столько тенденция количественного увеличения браков женщин-таджичек с иностранцами, сколько различие в конфессиональной принадлежности брачующихся сторон. По мнению представителя Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) Хикматулло Сайфуллозода, «если таджичка выходит замуж за иностранца-мусульманина, в этом нет ничего предосудительного»⁸. Согласно этой логике предосудительными являются браки женщин мусульманского вероисповедания с мужчинами – представителями других религий, таких как христианство, иудаизм, индуизм и буддизм.

Несмотря на общественное внимание, до сих пор нет ни одного научного исследования, посвященного изучению браков таджичек с иностранцами. Данный феномен также остается вне поля зрения активисток женских организаций Таджикистана, что ставит под сомнение основные понятия публичного дискурса о социально-культурном положении таджикских женщин, сложившегося в последние годы. Так, в большинстве работ на женскую (гендерную) тематику, а также отчетов международных организаций о проблемах гендерного равенства в постсоветском Таджикистане (Таджикистан: на пути к гендерному равенству 2003), главный вывод заключается в том, что постсоветская трансформация привела к ухудшению положения большинства таджикских женщин. Это аргументируется возрастанием дискриминационных практик в отношении женщин, ущемлением их прав, ограничением личных свобод и права выбора. Причины происходящего объясняются последствиями распада прежней (советской) социально-экономической структуры, нестабильным переходом к новым экономическим отношениям, ослаблением патримониальной политики государства, увеличением влияния официальных и особенно неофициальных религиозных структур на общественное сознание и на этом фоне усилением традиционных патриархатных установок и практик. Однако рост популярности межконфессиональных браков среди таджичек заставляет предположить, что картина не столь уж однозначна, и хотя бы некоторые категории таджикских женщин находят возможность расширить границы своего индивидуального выбора и личных свобод. В рамках данной статьи я ставлю перед собой задачу оценить причины данной ситуации, сложившейся в условиях «репатриархализации», отмечаемой другими исследователями.

Итак, статья посвящена анализу практики межэтнических и межконфессиональных браков как новой стратегии брачного поведения современных таджикских женщин на примере брачно-семейных отношений женщин-таджичек с мужчинами-иностранцами. Основное внимание уделяется факторам социально-

---

⁶ «Крыш-экономика»... 2007.

⁷ См. статью Зарипы Пратовой «Киргизские девушки пытаются улучшить свое материальное положение, выходя замуж за иностранцев» (Пратова 2006).

⁸ «Крыш-экономика»... 2007.

экономического и социально-культурного характера, оказывающим влияние на тенденции развития этнически и конфессионально смешанных брачно-семейных отношений. Последние рассматриваются в контексте трансформирующегося гендерного порядка и значительных изменений, происходящих в приватной сфере людей современного таджикского общества.

Эмпирическую базу работы составляют материалы десяти биографических интервью с таджикскими женщинами, имевшими опыт брачно-семейных отношений с иностранцами⁹, и девяти интервью с их родственниками (родителями, сестрами), а также с лицами, рожденными от родителей, принадлежащих к разным этническим группам, в основном из смешанных русско-таджикских семей. Дополнительным источником анализа послужили результаты других исследований, проведенных автором (Касымова 2007).

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СЕМЬИ» В СОВЕТСКОМ ТАДЖИКИСТАНЕ: ДРУЖБА НАРОДОВ ИЛИ АДАПТАЦИЯ КУЛЬТУР

По данным переписи населения 1979 года, в советском Таджикистане из 636 402 семей доля этнически смешанных (обозначаемых термином «интернациональные») брачных союзов, в которых супруги или другие родственники относились к разным национальностям, составляла 13% (83 045 семей) (Советский Таджикистан за 60 лет 1984: 26). Эти цифры были близки к среднестатистическим показателям по Советскому Союзу (Эдгар 2008: 104). Однако официальные статистические источники не позволяют сделать вывод о процентном соотношении смешанных семей по этническим группам. Например, нет информации о количестве таджикско-русских семей в разные периоды истории советского Таджикистана. На мой взгляд, именно эти количественные данные выступают основным показателем появления качественно новых практик в сфере брака и семьи в советский период. Поскольку браки таджиков с представителями различных тюркских этнических групп мусульманского вероисповедания были довольно распространенным явлением в северных и некоторых южных регионах республики (Абашин 2007), для Советского государства представляли интерес именно браки между таджиками и русскими (русскоязычными), то есть представителями разных культур. Как пишет Адриенн Линн Эдгар, «браки между мусульманами Средней Азии и европейцами в особенности рассматривались советскими теоретиками как важный фактор, способствующий “модернизации” этого региона и постепенному стиранию различий между ним и остальными частями СССР» (Эдгар 2008: 97). Интернациональные семьи создавались в основном между представителями разных народов, но гражданами государства СССР, браки с иностранцами случались ред-

---

⁹ Автор выражает свою благодарность коллегам и друзьям, которые оказали неоценимую помощь в поиске потенциальных информантов. Шесть интервью были проведены заочно по электронной почте, четыре – при личной встрече. Принимая во внимание пожелания респондентов, автор не указывает страну проживания и другие данные, которые могли бы расшифровать их. Возрастная группа информанток от 22 до 50 лет. На данный период они проживают: в Европе – 4 человека, Америке – 2, России – 2, Душанбе – 2.

ко. Следует отметить, что это один из признаков различия межэтнических браков советского и постсоветского периодов.

Другая отличительная черта заключается в том, что в советский период в Таджикистане инициаторами межэтнических браков выступали обычно мужчины, поскольку они обладали географической и социальной мобильностью (учеба в вузах, служба в армии, работа на всесоюзных стройках) и, следовательно, были в большей степени свободны от контроля родительской семьи, чем женщины. Браки мужчин-таджиков с русскими (русскоязычными) женщинами были самыми распространенными, и отношения в них развивались по трем основным сценариям. В первом случае такая семья по всем характеристикам относилась к среднестатистической советской семье, модернизированной по советскому типу, в большой степени русифицированной, где доминировала нетаджикская и немусульманская идентичность. Члены семьи общались преимущественно на русском языке, русские (русскоязычные) жены сохраняли прежний стиль и образ жизни. Дети в таких семьях выросли со слабо выраженной таджикской этнической идентичностью и в большинстве случаев кроме отчества и фамилии ничего общего с этническим наследием не имели. Среда их социального взаимодействия с другими индивидами и группами в основном была русифицированной как в приватной, так и в публичной сфере. Так называемые метисы выбирали себе брачных партнеров из числа этнически русских (русскоязычных) или этнически смешанных семей.

Если посчитать, в нашей семье есть представители почти всех национальностей. Смотрите, мой папа таджик, мама русская, брат женился на татарке, даже нет, она тоже метиска, у нее только мама татарка, а отец хохол, я вышла замуж за армянина, сестра была первый раз замужем за немцем, потом за узбека вышла, мой зять тоже метис. Вот такая интернациональная у нас семья получается (женщина, 56 лет).

Неслучайно в период массовой миграции русских (русскоязычных) из Таджикистана (в начале и середине 1990-х годов) большинство представителей таких семей выехали на постоянное место жительства в Российскую Федерацию или другие европейские страны.

Другой вариант смешанных браков предполагал адаптацию русских (русскоязычных) женщин, вышедших замуж за таджиков, к местной культурной среде. Обычно этому способствовала культурная изоляция от русифицированного городского сообщества, постоянное проживание в сельской местности, в традиционной культурной среде этнических таджиков¹⁰. Из газетной публикации:

...кишлак Хасани находится в десяти километрах от районного центра. Обычный таджикский дом. Хозяйка дома ничем не отличается от ста других таджикских женщин, одетая в национальную одежду, большой повязанный пла-

---

¹⁰ В ходе проведения полевых исследований в горных регионах Таджикистана мне неоднократно приходилось лично встречаться с пожилыми русскими женщинами – женами местных мужчин, которые мало отличались от своих сверстниц-таджичек как внешне, так и по образу жизни.

ток, только светлые глаза и незначительный акцент свидетельствовали о том, что перед нами – явно не таджичка. Дина Пешкова живет здесь с 1967 года, со времени, когда ее будущий муж Шоди Камолов после армии привез ее из Мокроусского района Саратовской области. Она приняла исламскую религию, родила 10-х детей и почти забыла свой родной язык¹¹.

Как правило, такие семьи были максимально интегрированы в культурную среду локального сообщества и не вызывали отторжения и/или неприятия с его стороны, что в конечном счете обеспечивало им и их детям гармоничное сосуществование.

Украинская женщина Валентина Саух очень тесно вжилась в таджикскую культуру. Она знает и соблюдает таджикские обряды, в совершенстве владеет таджикским языком. Кульминационным моментом в восприятии чужой культуры является то, что она, христианка по рождению, приняла для себя решение, что ее будут хоронить, как мужа – по мусульманскому обряду (Мягкая 2003: 129).

Описанные выше сценарии представляют собой полярные варианты одного и того же явления. В смешанных семьях такого типа культурно доминирует этническая идентичность одного из супругов, в первом варианте – этническая идентичность русской (русскоязычной) жены, во втором – мужа-таджика. В то же время нередко встречались и такие интернациональные семьи, в которых этнически-культурные среды обоих супругов имели равные позиции:

Я одновременно хорошо знала и таджикский, и русский языки. Говорила с отцом по-таджикски, с мамой на русском. Дома надевала таджикское платье и штаны, но в школу ходила в кофте и юбке. Мама тоже так одевалась (женщина, 46 лет).

В целом в советском публичном пространстве межэтнические браки имели ряд преимуществ политического и социально-культурного характера, так как с позиции советской идеологии они считались прогрессивными (Эдгар 2008: 93–123). Например, браки с русскими (русскоязычными) женщинами служили своего рода гарантией успеха в советской социальной иерархии. Как правило, русские (русскоязычные) жены работали, соответственно, вносили свой вклад в материальное обеспечение семьи, при этом в семье было не более 2–3 детей. Это, в свою очередь, давало возможность мужчинам посвятить себя карьерному росту, не концентрируясь исключительно на проблемах жизнеобеспечения семьи. Не случайно интернациональные семьи в основном встречались в среде советской номенклатурной элиты или интеллигенции. Многие из таджиков, заключавших межнациональные браки, были воспитанниками детских домов, интернатов, с детства находились вне влияния и контроля родственной семьи и авлода, в ситуации полной или частичной изоляции от локального традиционного сообщества.

---

¹¹ Из интервью Манижы Курбановой «Дина Пешкова: "Я уже давно таджичка!"» (Курбанова 2006).

Время показало, однако, что этнически смешанные браки, по сравнению с моноэтническими семьями, имели неустойчивую перспективу. Нередко мужчины-таджики в определенном возрасте (старше 40 лет) разводились с русскими (русскоязычными) женами и женились на местных женщинах, стараясь восстановить свою этническую идентичность:

Папа развелся с мамой, когда мне было 20 лет. Я тогда долго обижалась на него, но потом я его поняла, когда он сказал, что вынужден был жениться на таджичке, чтобы его потом могли достойно похоронить как мусульманина (женщина, 46 лет).

В некоторых случаях причиной распада семей становился вопрос выбора места жительства. Особенно актуальным этот аргумент стал в начале 1990-х годов в период гражданской войны и социально-экономической нестабильности, охватившей страну, когда русские (русскоязычные) супруги старались эмигрировать из Таджикистана:

Если не эти события, то, наверное, жена с детьми не уехали бы в Россию, а я не мог поехать с ними, сомнения были разные... как я буду там жить... где работать, в таком возрасте трудно что-то менять в своей жизни... (мужчина, 60 лет).

Случались (редко) и браки таджичек с русскими (русскоязычными) мужчинами. Возможно, первым таким случаем стал брак русского офицера и таджикской девушки из Памира по имени Озода Назарова¹² в начале XX века. Подобные брачно-семейные союзы как единичные отмечались и в 1930–40-е годы. Как правило, таджикские женщины, осмеливавшиеся на такой брак, уже имели маргинальный статус: они были артистками, танцовщицами и в общественном сознании приравнивались к публичным женщинам. Начиная с 1960-х годов, наблюдались интернациональные браки таджичек-студенток вузов Москвы, Ленинграда и других крупных городов СССР. Нередко женихи выбирались из числа

---

¹² В 1917 году некий русский военный по фамилии Взягер, начальник российского погранотряда на Памире, увидев на улице 12-летнюю девочку с красивыми грустными глазами, влюбился в нее. Русский офицер узнал, что она – круглая сирота и воспитывается у тети. Он выкупил девочку в обмен на золото и в 1917 году увез в Петроград, где женился на ней. Озода получила высшее образование, у них родился сын Феликс. Но в 1934 году Взягер был объявлен врагом народа и расстрелян. Озода осталась с четырехлетним сыном в Ленинграде одна и там в 1935 году познакомилась с земляком Мاستибекком, с которым они вскоре поженились. Мастибек дал Феликсу свою фамилию, вырастил его как родного сына, женил. Впоследствии Феликс долгое время работал главным режиссером театра им. Маяковского, руководил отделом искусства в министерстве культуры, а потом стал известным драматургом и жил в Москве. История жизни Озоды Назаровой послужила сюжетом для романа Павла Лукницкого «Нисо», на основе которого на киностудии «Таджикфильм» в 1979 году была снята известная картина таджикского кинорежиссера Давлата Худоназарова «Юности первое утро» (Курбанова, Манижа. 2008. Первый генерал. 100-летию юбилею знаменитого таджикского полководца посвящается... // Информационное агенство «Asia Plus». www.asiaplus.tj/articles/102/1690.html. Дата обращения: 30.06.2010).

студентов-иностранцев, в том числе немусульманского вероисповедания¹³. Несмотря на то, что смешанные браки таджикских женщин особо не афишировались, а в некоторых случаях даже скрывались, остаться незамеченными для окружающих они не могли. Такие браки вызвали не только активный протест семьи и авлода, но и публичное осуждение от всего сообщества. По исламским канонам, допускаются (хотя и не приветствуются) браки мужчин-мусульман с приверженками христианства и иудаизма, но мусульманкам запрещено вступать в брак с какими бы то ни было мужчинами, кроме тех, которые исповедуют ислам (Любовь и секс в Исламе 2004: 151). Существовало своего рода табу на возможные интимные или романтические отношения женщин-таджичек с русскими (русскоязычными) мужчинами.

По данным переписи 1979 года, русские составляли 10,4% населения Таджикской ССР, и еще 6,2% населения были представителями других этнических групп немусульманского вероисповедания – вместе они и составляли так называемое русскоязычное население (Советский Таджикистан... 1984: 20). Основная часть русскоязычных проживала в Душанбе (столице страны) и других городах. Несмотря на то, что в городах пространственная среда публичного взаимодействия была тесной, русские и коренные таджики редко пересекались в приватной сфере и не могли проявить друг к другу личный интерес. Как отмечает российский социолог Анна Темкина в своем исследовании сферы сексуальных отношений в Таджикистане, приватные сферы этнических сообществ были отделены друг от друга (Темкина 2008: 100). На мой взгляд, это было связано с тем, что вплоть до позднесоветского периода (конец 1980-х – начало 1990-х годов) в таджикском обществе приватная сфера сохраняла гораздо более сильные черты патриархальности/патриархатности, чем публичная. Культура традиционной мужественности/женственности по своему внутреннему содержанию оставалась почти неизменной, как и патриархатная гендерная идеология. Двойные стандарты поведения явно просматривались именно в приватной сфере, то есть в чувственно-сексуальных и брачно-семейных отношениях мужчин и женщин. Общество терпимо принимало нарушение традиционных норм, правил, ценностей со стороны мужчин, которые могли не вполне соответствовать этническим характеристикам таджика и/или мусульманина. Мужчины (особенно занимавшие высокие позиции в советской социальной иерархии) могли себе позволить самостоятельно выбирать супругу, в том числе другой национальности, вероисповедания, игнорируя интересы семьи, авлода. И наоборот, если такое поведение допускала таджичка, то ее всю жизнь морально преследовали стигмой «та, у которой муж русский». Практики до- и внебрачных чувственно-сексуальных отношений были распространены в основном среди мужчин. Они свободно носили европейский костюм, посещали развлекательные заведения и мероприятия, при этом не вызывая моральную панику со стороны сообщества. Женщины, на-

---

¹³ Например, в 1980-е годы таджикские девушки Заррина Рачабова и Мунира Касимова, выпускницы Московских вузов, вступили в брак с гражданами Чехословакии и Польши и на данный период проживают в этих странах (Бобохонов 2002: 306–308).

оборот, были ограничены в своих правах и возможностях, поскольку они, независимо от их публичного статуса, находились под прямым и опосредованным контролем на всех уровнях: старших мужчин семьи, авлода, мужа, далее локального традиционного сообщества и, наконец, официальных советских структур. Женщины советского Таджикистана должны были соответствовать двум идентичностям: в приватной сфере – этнической идентичности таджички, в публичной – идентичности советской гражданки. Несмотря на некоторые идейные различия, по существу эти две идентичности непротиворечиво смыкались, так как формировались и функционировали в единой патриархатной системе общественных отношений.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС, ИЛИ ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ

Анализ биографических интервью указывает, прежде всего, на относительно высокую социальную и пространственную мобильность современных таджичек по сравнению с поколениями таджикских женщин 1970-80-х годов, то есть их матерей и бабушек. Нарушая дозволенные рамки выбора, новое поколение таджикских женщин вышло не только за границы локального круга родственной семьи, авлода, но и за пределы традиционных этнических норм, правил и ценностей. Другими словами, в наши дни расширяется пространственная свобода таджикской женщины и появляется возможность свободы выбора жизненного сценария. Каким образом это произошло?

Расширение границ пространственной мобильности индивида происходит на фоне глобализационных процессов, прежде всего, взаимодействия Таджикистана с мировым сообществом, которое интенсивно развивается¹⁴ с середины 90-х годов прошлого века, когда обретение независимости и формирование национального государства было сопряжено с трансформацией экономической и политико-социальной структуры общества. Глобальные процессы взаимодействия на уровне государств и стран, реализуемые через международные гуманитарные, финансовые, экономические, культурные и образовательные институты, влияют и на межличностное взаимодействие мужчин и женщин разных этнических, конфессиональных и социально-культурных групп. В совокупности создаются условия, когда «люди все чаще сталкиваются с людьми другой этнической и культурной принадлежности. Взаимодействие культур усиливается, и вероятность того, что люди из разных культур будут влюбляться, вступать в брак и создавать семьи, возрастает» (Ем 2009).

Например, деятельность международных гуманитарных и иностранных неправительственных организаций¹⁵ в Таджикистане способствовала образова-

---

¹⁴ Речь идет о вовлечении иностранного капитала в экономику страны, активной деятельности международных гуманитарных организаций, появлении новейших технологических средств коммуникаций, таких как мобильная связь и Интернет, интеграции национальной экономики в глобальное рыночное пространство. Расширились границы пространственной и социальной мобильности населения Таджикистана в силу распространения масштабов трудовой миграции, возможности межкультурных связей и отношений.

¹⁵ На данный период в Таджикистане функционируют более двадцати таких организаций.

нию устойчивых формальных и неформальных коммуникационных сетей местного населения с иностранцами. Чаще это происходит в условиях профессиональных отношений работодателя и работника, так как зарубежные компании рекрутируют технический персонал и менеджеров среднего звена в основном из числа местных специалистов, владеющих иностранными языками. Приверженность международных (преимущественно западных) структур принципам гендерного равенства дает возможность таджикским женщинам-специалистам найти относительно хорошо оплачиваемую работу в этих организациях¹⁶ и не только: «Со своим американским мужем я познакомилась в Душанбе, когда пошла работать в эту международную организацию» (36 лет). Шесть из десяти моих информанток работали в международных организациях, расположенных в Душанбе, где и познакомилась со своими будущими мужьями-иностранцами.

Я была референтом-переводчицей у своего мужа, правда, тогда он не был моим мужем... много ездили с ним по районам, дни, недели проводили вместе... вместе обедали, жили рядом, в гостиницах, имею в виду... В таких условиях хочешь не хочешь что-то появится, человеческие чувства... (39 лет, замужем за гражданином США).

Другое пространственное поле межкультурного взаимодействия на межличностном уровне – это зарубежные образовательные институты, где за последнее десятилетие прошли обучение десятки тысяч юношей и девушек из Таджикистана, в частности, в рамках программы Института «Открытое Общество» Фонда Содействия в Таджикистане (Open Society Institute Assistance Foundation – Tajikistan, 2007 год). «Мы с ним учились вместе в университете в Америке» (30 лет, замужем за гражданином Венгрии). Возможность выезжать в заграничные командировки также увеличивает шансы поиска и выбора брачного партнера: «я работала врачом по контракту в Йемене, там мы и нашли друг друга» (48 лет, замужем за гражданином Ирака).

Трудовая миграция населения Таджикистана за пределы страны вносит свои коррективы в стратегии брачного поведения как мужчин, так и женщин. По официальным данным миграционной службы Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, за 10 месяцев 2008 года в трудовую миграцию в страны ближнего и дальнего зарубежья выехало более 600 000 человек, 16% из этого количества составляют женщины (Бозрикова 2009: 43).

Практика межэтнических брачно-семейных отношений таджикских мужчин-мигрантов с местными женщинами в стране пребывания (в основном Российской

Одним из первых (1994 год) был открыт офис Программы развития ООН в Таджикистане (ПРООН в Таджикистане // <http://www.undp.tj/index.php?lang=russian>. Дата обращения: 30.06.2010).

¹⁶ Нет официальных статистических данных о гендерном соотношении служащих международных организаций в Таджикистане. Этот вывод сделан по результатам личных наблюдений автора, а также информации на официальных сайтах некоторых международных организаций в Душанбе. Так, в штате сотрудников главного управления Швейцарского офиса по сотрудничеству в Таджикистане работают 40 человек, из которых 19 – женщины (SDC Central Asia. http://www.swiss-cooperation.admin.ch/tajikistan/ru/Home/About_us/SCO_in_Tajikistan).

Федерации) становится все более распространенной. Что касается таджикских женщин – трудовых мигрантов, среди которых немало молодых и незамужних женщин, то здесь наблюдается иная картина. Этнически смешанные брачно-семейные союзы таджикских мигранток в стране пребывания встречаются нечасто, в основном практикуются неформальные (нелегитимные, с точки зрения традиционных правил) чувственно-сексуальные отношения с мужчинами других этнических групп, чаще мусульманского вероисповедания, таких как турки, афганцы и азербайджанцы.

Я работала в точке [месте торговли на рынке – С. К.] у одного азербайджанца, он постарше меня был, вот он приставал... Я ему сказала: я мусульманка, ты мусульманин, не хочу жить в грехе, если я тебе нравлюсь, то давай сделаем никох [совершим религиозный обряд бракосочетания], он согласился. Так мы жили вместе почти три года, потом он уехал в другой город, даже не сказал, куда... (38 лет).

Итак, в постсоветский период в таджикском обществе расширяется пространственная среда межэтнических коммуникаций как на межличностном, так и на межгрупповом уровне. Исторический опыт показывает, что фактор пространственной (территориальной) близости играет существенную роль в распространении практик межэтнических браков между различными соседями – представителями этнических групп. Однако в данном контексте обращает на себя внимание тот факт, что кроме пространственной близости имеются и другие общие признаки, которые делают, по выражению Адриенна Эдгара, «сходными по своей культуре» разные этнические группы (Эдгар 2008: 107). К их числу в первую очередь относится конфессиональная общность. Например, на протяжении долгого исторического периода в полиэтнической среде таджиков и представителей тюркских и монгольских народов (узбеки, киргизы) аналогичные практики приобрели нормативный характер брачного поведения для возможных участников¹⁷, когда «любая из этих национальностей может быть предпочтительной для выбора брачного партнера» (Темкина 2008: 136). Несмотря на то, что эти народы по происхождению и языку относятся к различным этническим группам¹⁸, именно мусульманская идентичность выступает связующим звеном, универсальным культурным кодом на уровне межличностных и межгрупповых отношений.

---

¹⁷ Мой вывод сделан в ходе проведения полевых работ в районе Джиргаталь Раштской долины (март 2009), где киргизы составляют больше половины населения района. Практически каждая вторая семья здесь смешанная, большинство – уже в двух-трех поколениях. По другим данным, «в 2008 году в Согдийской области Таджикистана было зарегистрировано 319 межнациональных браков. Чаще всего такие браки заключают между собой таджики и узбеки» (Таджикистан: В Согдийской области... 2009).

¹⁸ Таджики относятся к памиро-ферганской расе большой европеоидной расы. Говорят на таджикском языке юго-западной подгруппы иранской группы индоевропейской семьи. Узбеки относятся к памиро-ферганской расе большой европеоидной расы, фиксируется монголоидная примесь. Говорят на узбекском языке карлукской подгруппы тюркской группы алтайской семьи (Народы мира 1988: 425–466).

В том, что фактор конфессиональной идентичности играл (играет) ключевую роль в легитимизации и/или маргинализации практик межэтнических браков, можно убедиться и на другом примере. На протяжении всей известной истории соседства соседства таджиков с бухарскими евреями (которые говорили на таджикском языке и публично поддерживали нормативные правила и ценности, принятые в мусульманском сообществе, но исповедовали иудаизм) случаи смешанных брачно-семейных отношений наблюдались редко. Как пишет современный израильский автор Зиф Левин (Zeev Levin), тысячелетнее соседство с мусульманами позволило сообществу бухарских евреев интегрироваться в социальную среду и культурно ассимилироваться, но при этом религиозное различие заставляло их жить в сегрегации (Levin 2008: 99). Те представители бухарских евреев, которые по разным причинам принимали ислам (так называемые «чала»), сочетались браками только между собой, так как ни мусульмане, ни евреи не отдавали им своих дочерей (Губаева 1991). Только в советский период в условиях массовых (миграционных) перемещений из одного региона в другие потомки чала смогли вступать в брачно-семейные отношения с таджиками или узбеками, но при этом тщательно скрывали (и скрывают до сих пор) свои этнически-конфессиональные корни¹⁹, возможно потому, что для большинства этнических таджиков, а также бухарских евреев, такие смешанные семейные союзы и по сей день остаются стигматизированными.

Таким образом, новые практики брачно-семейных отношений таджикских женщин с мужчинами-иностранцами сложно объяснить лишь влиянием фактора пространственной/территориальной близости, поскольку одного этого фактора недостаточно для того, чтобы индивиды могли нарушить давно существующую систему социальных отношений и нормативных практик, основанных на идеологии тотального патриархата.

МОДЕРНИЗИРОВАННЫЙ ПАТРИАРХАТ

Гендерный порядок современного таджикского общества можно характеризовать как модернизированный патриархат, многослойный, социально-стратифицированный, подверженный влиянию различных контекстов и условий, порождающих различные стратегии и постоянное переопределение правил (Темкина 2008: 67–140). То есть, в пределах одного социального и этнического круга параллельно функционируют разные, порой противоположные нормы и правила поведения социальных групп и индивидов. Относительно предмета нашего исследования это означает, что в современном Таджикистане представлены почти все модели создания семьи – от организации брака детей родителями до свободного выбора брачного партнера.

Как было отмечено в начале статьи, межэтнические браки нежелательны для большинства этнических таджиков потому, что, во-первых, нарушаются традиционные нормы эндогамного брака, а во-вторых, попирается один из основных принципов патриархальной семьи – организация брака детей родителями. На протяжении

---

¹⁹ См.: Электронная еврейская энциклопедия. www.eleven.co.il/article/14655. Дата обращения: 30.06.2010.

долгого периода в таджикском обществе брачно-семейная сфера регулировалась нормами мусульманского права (шариатом) и патриархатной системой гендерных отношений. Советская модернизация трансформировала традиционный брак²⁰. Несмотря на значительное ослабление контроля старших над младшими, мужчин над женщинами, эндогамные нормы и власть родителей все еще сильны при выборе брачного партнера детей. Так, по данным этнографов, в начале XX столетия «у таджиков предпочтительными являлись родственные браки... такие браки были излюбленными, они поощрялись и одобрялись общественным мнением» (Кисляков 1969: 55). Спустя столетие, во многих сельских регионах Таджикистана все еще остается высоким уровень эндогамных браков. Практически поиск и выбор потенциальной(го) невесты (жениха) не выходит за узкие рамки своего кишлака или близлежащих кишлаков, где все односельчане связаны между собой давними родственными узами²¹.

В то же время в городах большинство молодых людей уверенно выбирают себе брачных партнеров, исходя из своих чувств, желаний и интересов, и/или родители вынужденно принимают во внимание личные предпочтения сына (дочери). Результатом приоритета личного интереса индивида над коллективным (семейным, родственным, общинным) стало расширение границ индивидуального выбора. В свою очередь, избрание брачного партнера изначально определяется степенью личной свободы выбирающей стороны. Однако сам выбор и вступление в брак подчиняются действию определенных культурных, социальных и психологических факторов (Ем 2009). Можно рассмотреть эти факторы на примере жизненных историй таджикских женщин, имеющих опыт межэтнических и межконфессиональных брачно-семейных отношений.

Материалы биографических интервью показывают, что выбор иностранца в качестве брачного партнера для большинства информанток был осознанным действием и имел целенаправленный характер. «Я не буду скрывать, но то, что я искала работу в международных организациях, не случайно, как это говорят, “заморский принц” был у меня в планах...» (36 лет, замужем за гражданином США). Возможно, выбор того или иного конкретного иностранного гражданина мог быть случайным, но, по всей вероятности, желание создать семью с иностранцем и уехать в его страну формировалось задолго до встречи с ним. Примечательно в данном контексте интервью с женщиной 54 лет, дочь которой заключила брак с гражданином США:

Когда дочь сказала, что хочет замуж за этого американца, я не удивилась, все шло к этому, и так все было ясно. До этого она один раз была в Америке, после, как приехала домой, уже как будто ей здесь неинтересно, все не так, люди не такие, город не такой. Вообще мы люди современные, не стали ей препятствовать.

---

²⁰ Основные черты традиционной семьи: 1) авторитарная власть отца – главы семьи; 2) отсутствие автономии членов семьи; 3) половозрастная субординация или иерархичность отношений; младшие подчиняются старшим, женщины – мужчинам; 4) экономическая и культурная зависимость младших от старших, женщин от мужчин (Касымова 2007: 145).

²¹ По материалам моих полевых исследований в Зидди (селение, расположенное в 60 км к северу от Душанбе), май 2008 года.

Из этого рассказа можно заключить, что выбор потенциального брачного партнера был изначально определен желанием дочери выйти замуж «за этого американца». В данном случае мнение родителей имеет лишь символическое значение, так как они «люди современные». Именно эта «современность», или модерность, становится ключевым фактором, который позволяет дочери выбрать в супруги мужчину из другой (чужой) этнической и профессиональной группы, что казалось немислимым сто лет назад.

Из десяти случаев межэтнических браков таджикских женщин только в двух родители (как правило, отцы) были категорически против решения своих дочерей. «Мой папа до сих пор не разговаривает со мной, хотя прошло уже семь лет» (42 года, замужем за европейцем). Большинство же вынужденно, порой болезненно, но принимали выбор своих дочерей.

Хотя отец у меня с современными взглядами, как-никак профессор университета, все же для него это было шоком, он никак не мог принять это, он все время говорил: «Как я буду говорить людям о тебе, что скажу, кто мой зять – американец что ли?» Я знала, что это его очень угнетает, от этого я сама страдала, но уже обратного пути не было (39 лет, замужем за гражданином США).

Обращает на себя внимание, что многие из родителей особенно чувствительны к профессиональной принадлежности иностранного жениха. «Для меня самым трудным было сообщить об этом своим родителям. Пришлось обмануть, сказать маме, что у него [жениха] отец мусульманин, хотя он стопроцентный европеец» (30 лет, замужем за европейцем). Без исключения все информантки испытали на себе психологическое давление со стороны родителей, родственников, а также близкого и дальнего окружения. «Да, конечно, разговоров было много, родственники сказали, что таджики меня не взяли в жены, потому я нашла себе иностранца, конечно, было неприятно и обидно» (44 года, была замужем за гражданином США).

Практически ни для одной родительской семьи вариант смешанных браков с иностранцами не был приемлемым. Но все же он был предпочтительнее других вариантов, в частности, безбрачия дочери (в ситуации, когда она в статусе «старой девы», а брачные перспективы не определены) с вытекающими отсюда такими возможными нежелательными последствиями, как внебрачное сожительство или внебрачное материнство. «Мои родители не стали возражать, наверное, знали, что другого варианта у меня не будет, мне тогда было 29 лет» (36 лет, замужем за европейцем). Для одиноких женщин с детьми (разведенных или вдов) главным аргументом в защиту брака с иноверцем выступали экономические проблемы и будущее детей:

Когда отец долго кричал и ругал меня, я сказала ему: хорошо, я не выйду за него замуж и не уеду за границу, но сможете ли помочь мне, чтобы мои дети учились в хорошей школе, одевались, кушали хорошо... Он промолчал... потом сказал: делай, как знаешь (50 лет, была замужем за европейцем).

Этим объясняли свое решение сами женщины, этим же оправдывали поступки дочерей родители и родственники. В целом в данной ситуации явно просматривается влияние социально-экономических факторов, что будет рассмотрено далее.

ГЕНДЕРНЫЙ ОБМЕН КАК СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ, ИЛИ «ЭМАНСИПАЦИЯ ПО-ТАДЖИКСКИ»

В жизненных историях наших информанток явно вырисовывается картина пересечений публичных и частных сфер, их взаимосвязь и взаимодействие. Ответствующая социальная среда и условия взаимодействия в публичном пространстве незамедлительно вызывают личные инициативы индивидов, что мы можем наблюдать в проявлении активности женщин-таджичек при выборе брачного партнера.

Иностранные граждане, точнее, мужчины-иностранцы в качестве потенциальных брачных партнеров впервые стали объектом целенаправленного внимания таджикских женщин в начале 80-х годов XX века, когда более сотни молодых афганских мужчин приехали на учебу в высшие учебные заведения Душанбе. Именно в этот период образовалось большинство брачных союзов таджичек с афганцами. Но привлекательность этих браков в последующие годы стала неуклонно падать из-за непрекращающихся военных действий, социально-политической нестабильности и экономической разрухи в Афганистане – стране, граждане которой в долгосрочной перспективе оказались на невыгодном положении беженцев и вынужденных иммигрантов в разных государствах мира. «Я так сильно переживал из-за этих отношений дочери с этим афганцем, думал, вот он ее увезет туда [в Афганистан] и там ее убьют» (мужчина, 60 лет).

Браки с иностранцами зачастую становятся единственным выбором в стратегии реализации права на брак (в том числе на повторный брак) и создании собственной семьи для определенной группы таджикских женщин. В современном Таджикистане проявление чувств и желаний и, соответственно, реализация личных интересов, потребностей индивида в частной сфере зависит от многих факторов. На это влияют демографическая ситуация в стране, социально-культурный контекст общества, экономический кризис. Немаловажную роль играют также наличие или отсутствие собственных ресурсов индивида. Традиционно в Таджикистане возраст невесты является одним из важных критериев заключения брака, большинство молодых людей стараются выбирать невесту моложе себя на три года и более. Массовое вовлечение мужчин наиболее молодых возрастных групп в процессы трудовой миграции также играет свою роль, снижая шансы молодых девушек на равноценный брак. И, наконец, экономический фактор, который все более усугубляет социальное неравенство в обществе²². Женщины оказались в этом плане самой уязвимой группой населения. Нужда заставляет многих из них самостоятельно решать

---

²² По данным 2007 года, в Таджикистане уровень бедности составил 53,5%, уровень крайней бедности – 17,1% (Tajikistan Living Standards 2009: 26).

денежные проблемы, в том числе путем активного поиска брачного партнера. Из газетной публикации:

Уйгуры [граждане Китая – С.К.] тоже мусульмане, говорит Майрамби, и если кто-то из женщин хочет с ними создать семью, мы не должны этому мешать. Я тоже не против, если найдется хороший человек, главное, чтобы семью обеспечивал²³.

Девушки из бедных семей, разведенные женщины, вдовы с детьми, без жилья и содержания – аутсайдеры на брачном рынке. Они остаются на положении «старых дев» или соглашаются на любые возможные варианты брачно-семейных отношений, например, в качестве второй жены или любовницы. «Я вышла замуж в 35 лет... девушкой... кого я нашла бы среди своих таджиков? В лучшем случае стала бы второй женой...» (44 года, была замужем за гражданином США). Так, из десяти женщин, принявших участие в интервьюировании, до вступления в брак с иностранцами четверо были разведены, одна была вдовой с двумя маленькими детьми. Из пяти девушек, никогда не состоявших в браке, четверо были в возрастной группе от 27 до 37 лет. И только одна была младше 20 лет.

Все без исключения информантки подчеркивают, что в момент принятия решения о браке с иностранцем они находились в сложной жизненной ситуации, связанной у некоторых из них с экономическими трудностями:

Когда он предложил мне уехать с ним в Европу, я недолго думала... а что думать-то, в любом случае, я от этого ничего не теряла бы. После развода с мужем, у меня там [в Душанбе] не было даже своего угла (42 года, замужем за европейцем).

У других кризис был связан с личными проблемами, например, с безответной любовью:

Тогда у меня была такая депрессия... как-то жизнь не получилась. Я десять лет своей молодости потратила на одного человека... все эти годы он морочил мне голову обещаниями... наверное, это и было причиной, что я согласилась выйти замуж за иностранца... может быть, назло ему... не знаю... (44 года, была замужем за гражданином США).

Таким образом, оказавшись в ситуации кризиса, женщины используют главный мотив, культивируемый патриархатом, – брак, который выступает не целью, а средством достижения цели, то есть возможность улучшить свою жизнь и устроить будущее своих детей.

Брак как обмен статусами предусматривает наличие у сторон соответствующих ресурсов, которые необходимы для заключения патриархатного гендерного обмена. Как правило, это красота и молодость невесты, с одной стороны, и материальная обеспеченность, гарантия жить в благополучной стране жениха – с другой. Так, на

---

²³ Домоди чиной (Китайский жених) 2008.

вопрос интервьюера «Знаете ли вы мотивацию решения вашего избранника взять вас в жены?» ответы большинства информанток были однозначны: «Моя красота, молодость» (у большинства пар разница в возрасте существенная – 15–20 лет).

Мужчин-иностранцев, особенно из Западной Европы и США, в таджикских женщинах привлекает также «экзотика другой культуры, послушность восточных женщин». В свою очередь, последние указывали в качестве основного брачного мотива «чувства к мужчине» и «желание уехать из нищей страны». Материалы интервью показывают, что принятие решения выйти или не выйти замуж за иностранца и желание уехать из Таджикистана во многом зависят от степени социального и экономического благополучия страны потенциального жениха или, как отмечают наши информантки, от «цивилизованности» страны. «Конечно, то, что он из Европы – это сыграло свою роль, в Африку точно уж не поехала бы, а так – цивилизованная страна, почему не пожить там, если зовут...» (35 лет, была замужем за европейцем). В некоторых случаях женщины имели личный опыт проживания за границей:

До замужества я, конечно, много раз ездила по Европе, Америке, тогда это было по работе. И каждый раз, возвращаясь домой [в Таджикистан], я долго не могла прийти в себя, как бы заново адаптироваться, что нет хороших дорог, магазинов, ресторанов, эти постоянные проблемы с электричеством, водой... (36 лет, замужем за европейцем).

Даже расставаясь с мужьями, таджички остаются жить на родине бывших мужей: «Как прежде я уже не могу жить... я видела другую жизнь... другие отношения, здесь люди живут для себя, для своего удовольствия... мне это нравится» (44 года, была замужем за гражданином США). Другой немаловажный мотив – забота о детях: «Я здесь осталась потому, что я думаю о своем сыне прежде всего, здесь он сможет получить хорошее образование, хоть какие-то перспективы есть...» (35 лет, была замужем за европейцем).

Следует отметить, что во всех случаях выгода от гендерного обмена для каждой из сторон очевидна. Возьмем для примера брачно-семейные союзы между китайскими мужчинами и таджикскими женщинами. В целом они аналогичны личным, интимным отношениям мужчин-таджиков – трудовых мигрантов – с российскими женщинами. Как и первые, китайцы (в основном неженатые молодые мужчины и мужчины средних лет), находясь в Таджикистане более или менее длительный период времени в качестве трудовых мигрантов, вступают в различные формы брачно-семейных отношений с местными женщинами – таджичками и узбечками. Это дает основание некоторым лицам предполагать, что «китайцам не нужны серьезные семейные отношения с гражданками Таджикистана, они хотят лишь иметь дом и свободно находиться на территории Таджикистана, наши женщины для них как прислуга...»²⁴. В то же время было бы односторонне (неверно) интерпретировать такие браки лишь с точки зрения выгоды или невыгоды. По всей вероятности, чувства, симпатии сторон друг к другу играют немаловажную роль в образовании китайско-таджикских семей.

---

²⁴ Домоди чинои (Китайский жених) 2008.

Патриархатному гендерному обмену соответствует своя традиционная модель гендерных отношений: муж – кормилец, жена – домохозяйка (неработающая), находящаяся в той или иной степени материальной и иной зависимости от мужа. Все без исключения женщины из нашей выборки отметили, что материально зависимы (или были зависимы) от мужа-иностранца, поскольку сами не имели никакого источника дохода.

Конечно, свои деньги иметь хорошо... как-то просить каждый раз у мужа, а потом отчитываться за каждый цент унижительно, тем более дома, когда я работала [в Душанбе], у меня всегда были свои деньги, небольшие по европейским меркам, но зато свои собственные (42 года, замужем за европейцем).

Я здесь седьмой год, не работаю, просто работы нет, я пока переучиваюсь, мой таджикский диплом здесь вообще не считается, конечно же, я с детьми на содержании мужа (36 лет, замужем за европейцем).

Жизненные истории респонденток очень часто развиваются по сценарию, характерному именно для традиционной модели гендерных отношений: материальная и иная зависимость жены от мужа неизбежно приводит к ущемлению прав, личных свобод, дискриминации и домашнему насилию. И это происходит как в браке с европейцами, так и с иранцами или арабами, исповедующими ислам.

Здесь... конечно, есть дискриминация. Кто вообще так говорит, что если европеец – то обязательно правильный во всем, что женщин не унижают... Унижают еще как, просто, знаете, они делают это очень психологически тонко, наши мужики как-то простые, если ругают, то ругают, не стесняясь, да? (42 года, замужем за европейцем).

Вот я вышла замуж, у меня законный брак, но я чувствую себя в его доме, как бы сказать, квартиранткой, на все я должна просить разрешения, куда я иду, что я делаю, с кем общаюсь (36 лет, замужем за европейцем).

В рассказах информанток просматривается также преобладание дискриминационных практик в отношении культурных или этнических различий:

Мой муж, теперь уж бывший, считал, что он меня осчастливил тем, что женился на мне, он, такой «белый» человек, взял в жены нищую азиатку... делал мне одолжение этим, вообще всем своим видом показывал, что я не равна ему (50 лет, была замужем за европейцем).

Еще в Душанбе я чувствовала за ним какое-то пренебрежение к людям другой религии, культуры, тогда не обращала внимания на это, думала, может он прав, что мы такие отсталые... А сейчас это меня задает, вот это высокомерие... (36 лет, замужем за европейцем).

В семьях всех без исключения рассказчиц доминируют культурные традиции,

ценности и нормативные правила поведения страны проживания. Язык общения – родной язык мужа и/или страны проживания. Дети информанток, даже те, которые родились и выросли в Таджикистане, не говорят по-таджикски и забывают родной язык. «Одно меня угнетает – что мои дети не говорят на моем родном языке» (42 года, замужем за европейцем). Интеграция женщины в чужую культурную среду происходит путем принятия ее нормативных практик на уровне повседневности, в результате чего полностью или частично нивелируются собственные культурные различия и особенности. Например, респондентки допускают возможность различных форм серийной моногамии, то есть частой смены брачных и/или сексуальных партнеров, в том числе с людьми намного моложе себя, и других возможных вариантов, принятых в качестве нормы в европейской культуре. Таким образом, они все более отдаляются от нормативных правил и ценностей своей традиционной культуры. Тем не менее очевидно, что полной ассимиляции не происходит, на это указывают ответы женщин о социально-культурной изоляции в стране пребывания:

Я практически не общаюсь с аборигенами, кроме «здравствуйте» и «до свидания»... В основном мы общаемся с такими же, как мы сами, иностранными женами русскоговорящими – киргизками, казашками, узбечками, они встречаются почти в каждом городе здесь (30 лет, замужем за гражданином Венгрии, на данный период проживает в США).

На мой взгляд, полной ассимиляции не происходит не только потому, что так называемые «аборигены» культурно и социально игнорируют иностранных жен местных мужчин. Несмотря на то, что эти жены – этнические таджички – внешне придерживаются норм и правил европейской культуры, основу которой составляют принципы модернизации, автономизации и индивидуализации, на уровне индивидуального сознания они во многом остаются носительницами того же коллективного патриархатного мышления, которое доминирует в современном таджикском обществе. На это указывает то, что социально-культурные ожидания таджикских женщин от брака с иностранными мужчинами в целом характеризуют стереотипы и установки патриархатной системы гендерных отношений.

Я только сейчас начинаю понимать, насколько мы разные, я поняла, что не могу положиться на него: если что, он запросто скажет, что это твои проблемы, сама решай. Здесь так принято, что хоть и муж и жена, но каждый живет сам по себе, у нас же не так... (42 года, замужем за европейцем).

Его раздражало, что я много времени уделяю своим детям. Он говорил, они совершеннолетние, пусть сами заботятся о себе, а у нас как, мы же постоянно думаем и заботимся о своих детях, даже если они давно уже взрослые (50 лет, была замужем за европейцем).

Как показывают интервью, во взаимоотношениях с мужьями – представителями другой культуры – таджикские женщины подсознательно применяют этические нормы и ценности своей нации. В первом случае женщина ожидает от мужа

постоянной защиты и заботы – того, что характерно для патриархатной модели гендерных отношений в брачно-семейной сфере. Во втором – постоянная забота о детях, жертвование собой ради детей считается долгом и прямой обязанностью матери, как это принято в патриархатной культуре, в противовес европейской модели равенства прав и обязанностей всех субъектов семейных отношений: мужа, жены и детей.

Именно скрытые различия в культурных моделях поведения супругов становятся детерминантой конфликтных ситуаций, приводящих к распаду смешанных брачно-семейных союзов. Например, трое из десяти наших информанток развелись в первые пять лет совместного брака с иностранцами, но остались жить в стране бывших мужей. Допускают возможность развода еще две женщины из их числа. «Я жду легализации, а потом буду решать [разводиться или нет]. Скорее всего, разведусь я после легализации» (36 лет, замужем за европейцем). Таджички,ывавшие в мужа европейца, легко допускают развод, возможно, потому что «здесь, конечно, на пособие трудно жить, но не смертельно, столько же я зарабатывала бы в Душанбе, работая с утра до вечера...» (42 года, замужем за европейцем).

В сознании этих женщин, относящих себя к образованному, русифицированному слою современного таджикского общества, явно просматриваются некоторые установки и ценности патриархатной идеологии. Складывается ситуация, когда усвоение модернизированных практик происходит быстрее, нежели переосмысление мировоззренческих ценностей и идей гендерного равенства, принятых в европейской культуре.

ВЫВОДЫ

Межэтнические и межконфессиональные браки – явление, идущее из глубины веков и встречающееся в той или иной форме практически у любого народа. Таджики как отдельная этническая группа не являются исключением из этих правил. Свидетельством тому служит, например, народ сарты, который русским политикам и исследователям начала XX века очень трудно было отнести к какой-либо этнической группе – таджикам или узбекам (Абашин 2007).

Советское государство придало легитимный статус межконфессиональным бракам, назвав их «интернациональными». В основном такие союзы заключались между таджикскими мужчинами и русскими (русскоязычными) женщинами. Это были качественно новые брачно-семейные отношения в советском Таджикистане, так как создавали базовую ячейку общества мужчины и женщины, принадлежащие не только к разным этническим группам, но и к разным религиям, что до того времени было недопустимо по своей природе. Для подавляющей части населения такие браки были нежелательными, так как они не только могли загрязнять «чистоту» религии, но, самое главное, нарушали ключевые нормативные правила патриархального гендерного порядка: во-первых, нормы эндогамного брака – самой распространенной и излюбленной формы брака среди таджиков, во-вторых, один из основных принципов патриархальной семьи – организацию брака детей родителями. Возможно, по этой причине, несмотря на офи-

циальную поддержку Советского государства, такие браки имели в локальных сообществах маргинальное положение.

Если определенная часть (советская номенклатура, воспитанники детских домов, образованные круги) мужчин-таджиков могли в полном объеме пользоваться правами советского гражданина, выбирая желаемую супругу, в том числе из другой этнической, конфессиональной группы, то, наоборот, все без исключения таджикские женщины, имеющие формально такие же права, были ограничены в возможности их реализации. Только единицы таджикских женщин позволяли себе выбирать мужа из другой этнической или конфессиональной группы. Такие фактически неравноправные позиции мужчин и женщин были связаны с тем, что вплоть до позднесоветского периода (конец 1980 – начало 1990-х годов) в таджикском обществе приватная сфера сохраняла гораздо более сильные черты патриархальности/патриархатности, чем публичная. Культура традиционной мужественности/женственности по своему внутреннему содержанию оставалась почти неизменной, как и патриархатная гендерная идеология. Двойные стандарты поведения явно просматривались именно в приватной сфере, то есть в чувственно-сексуальных и брачно-семейных отношениях мужчин и женщин. Женщины, независимо от своего публичного статуса, находились под прямым и опосредованным контролем на всех уровнях: старших мужчин семьи, авлода, мужа, далее локального традиционного сообщества и, наконец, официальных советских структур.

Этот вывод основывается на анализе литературы советских авторов и работ западноевропейских исследователей (известных как «советологи»), интересующихся вопросами гендерной политики государства в отсталых мусульманских регионах Советского Союза (см. Касымова 2007). Именно с этой точки зрения кажется неубедительным расширенный зарубежный медийный дискурс последних лет вокруг проблемы ухудшения социально-культурного положения таджикских женщин и по вопросу о «репатриархализации» современного таджикского общества.

Я это аргументирую тем, что таджикские женщины свободно, по собственной воле и исходя из собственных интересов, выбирают себе брачных партнеров из числа мужчин другой этнической и конфессиональной группы, другой, часто незнакомой, культуры, страны, при этом игнорируя мнение родителей, родственников, интересы и нередко авторитет семьи, не обращая внимания на моральную панику общества, пренебрегая этическими ценностями своей культуры и не считаясь с патриотическими призывами властных структур сохранять свою национально-гражданскую идентичность, то есть «таджикскость». Вряд ли такое смелое поведение таджикской женщины было бы возможно в условиях «репатриархализации» современного таджикского общества.

Распространение практики этнически смешанных браков среди таджикских женщин прежде всего указывает на глубинные процессы, которые охватывают все аспекты жизнедеятельности таджикского общества, затрагивая все без исключения социальные слои Таджикистана. Самым значительным из них в контексте изучаемого нами явления является процесс развития индивидуалистического со-

знания, проявляющийся в новых практиках и стратегиях в приватной сфере. Свободный личный выбор, чем бы он ни мотивировался, активно противостоит диктату семьи, авлода, общины и государства. Все больше принимается ценность индивида, будь то женщина или мужчина. Эти два ключевых момента детерминируют новые практики в приватной сфере – личные поступки женщин, самостоятельно выбирающих супругов, независимо от того, чем они вызваны – проблемами физического выживания или удовлетворением личных, чувственных потребностей.

С другой стороны, в условиях ломки патриархатных норм и правил, которые в большинстве случаев оставляют женщин без патерналистской защиты и покровительства семьи и общины, женщины готовы использовать любой возможный ресурс, в том числе принятый в качестве нормы европейской культуры, придерживаясь при этом идеологии патриархата.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абашин, Сергей. 2007. *Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности*. СПб.: Алетейя.
- Бекбосунова, Дарига. 2009. Особенности межнациональных браков в Казахстане // *Обзор иностранной прессы с Ахасом Тажутовым*. www.inosmikz.org/?p=1788. Дата обращения: 30.09.2009.
- Бобохонов, Мансур. 2002. *Таърихи тоҷикони ҷаҳон (История таджиков мира)*. Душанбе: Ирфон.
- Борзикова, Татьяна. 2009. Оценка нужд и потребностей женщин трудящихся – мигрантов. Таджикистан // *Оценка нужд и потребностей трудящихся женщин – мигрантов*. Центральная Азия и Россия. ООН Фонд развития для женщин, UNIFEM, MOT.
- В Таджикистане растет количество браков с иностранцами. 2007 // Информационное агентство REGNUM. www.regnum.ru/news/907681.html?forprint. Дата обращения: 30.10.2010.
- Гафарова, Мунзифа. 1969. *Духовный облик женщин Советского Востока*. Душанбе: Ирфон.
- Губаева, Стэла. 1991. *Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX вв.* Ташкент: Изд-во «Фан».
- Домоди чинои (Китайский жених). 2008 // *Зиндаги*. № 37. 11 сентября.
- Ем, Наталья. 2009. Межэтнический союз корейских женщин и американских военнослужащих как этап истории межнациональных браков корейцев в США // Lib.Ru: Сервер «Заграница». www.world.lib.ru/k/kim_o_i/nhbyterfw.shtml. Дата обращения: 11.07.2009.
- Касымова, София. 2007. *Трансформация гендерного порядка в таджикском обществе*. Душанбе: Ирфон.
- Кисляков, Николай. 1969. *Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана*. Л.: Наука.
- Курбанова, Манижа. 2006. Дина Пешкова: «Я уже давно таджичка!» // Информационное агентство «Asia Plus». www.asiaplus.tj/?page=archive&langID. Дата обращения: 30.06.2009.
- «Крыш-экономика» и мода на браки с иностранцами: Таджикистан за неделю. 2007 // Информационное агентство REGNUM. www.regnum.ru/news/799498.html. Дата обращения: 21.03.2009.
- Любовь и секс в Исламе: Сборник статей и фетв*. 2004. М.: Издательский дом «Ансар».
- Мягкая, Людмила. 2003. *Жизнь как судьба, или Устные истории пожилых русскоязычных женщин Таджикистана*. Душанбе: Ирфон.
- Народы мира. Историко-этнографический справочник*. 1988. М.: Советская Энциклопедия.
- Пратова, Зарипа. 2006. Киргизские девушки пытаются улучшить свое материальное положение, выходя замуж за иностранцев // Фергана.news. www.fergananews.com/article.php?id=4292. Дата обращения: 30.01.2009.
- Рябикина, Мунаввара. 2008. Таджикиская итальянка // Информационное агентство «Asia Plus». www.asiaplus.tj/articles/110/1906.html. Дата обращения: 30.01.2009.

- Советский Таджикистан за 60 лет.* Юбилейный статистический ежегодник. 1984. Душанбе: Ирфон.
- Таджикистан: В Согдийской области растет число межнациональных браков. 2009 // Фергана. news. www.ferghana.ru/news.php?id=11500&print. Дата обращения: 30.11.2010.
- Таджикистан: на пути к гендерному равенству.* 2003. Душанбе: ПРООН, Фонд народонаселения ООН, ЮНИФЕМ, SCO.
- Темкина, Анна. 2008. *Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой.* СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Тохтаходжаева, Марфуа. 2001. *Утомленные прошлым. Реисламизация общества и положение женщин в Узбекистане.* Vienna, Ташкент: Regional Program Office.
- Шахбанова, Мадина. 2008. Отношение к межнациональным бракам в этническом сознании дагестанцев // *Социологические исследования.* № 11. С. 72–76.
- Эдгар, Адриенн Линн. 2008. Брак, современность и «дружба народов»: межэтнические отношения в интимной сфере послевоенной Средней Азии в сравнительной перспективе // *Ab Imperio.* № 2. С. 93–123.
- Levin, Zeev. 2008. "The Khujum Campaign in Uzbekistan and the Bukharan Jewish Women." Pp. 95–113 in: Christa Hämmerle, Nikola Langreiter, Margareth Lanzinger, Edith Saurer (eds.). *Gender Politics in Central Asia. Historical Perspectives and Current Living Conditions of Women.* Köln: Böhlau.
- Tajikistan Living Standards. 2009. *Tajikistan Living Standards Measurement Survey 2007. Indicators at a Glance.* Dushanbe: State Committee of Statistics.